

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.9>

Арзамазов Алексей Андреевич

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОНТЕКСТЫ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ ПЕТРА ЗАХАРОВА

В статье рассматриваются художественные контексты будущего времени в поэзии Петра Захарова - одного из наиболее ярких представителей современной удмуртской литературы. Устанавливаются основные мотивно-ситуативные модели поэтической актуализации футуральных глагольных форм, рассматривается фактор образно-символической аргументированности их употребления, выявляются преобладающие структурные комбинации лирического выражения данного вида художественной темпоральности. Отмечается, что глагольные формы в поэтической системе П. Захарова имеют структурообразующее значение, приобретают релевантные смысловые характеристики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/5/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 42-46. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Литература народов Российской Федерации

The Russian Federation Peoples' Literature

УДК 821.511.131

Дата поступления рукописи: 22.03.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.9>

В статье рассматриваются художественные контексты будущего времени в поэзии Петра Захарова – одного из наиболее ярких представителей современной удмуртской литературы. Устанавливаются основные мотивно-ситуативные модели поэтической актуализации футуральных глагольных форм, рассматривается фактор образно-символической аргументированности их употребления, выявляются преобладающие структурные комбинации лирического выражения данного вида художественной темпоральности. Отмечается, что глагольные формы в поэтической системе П. Захарова имеют структурообразующее значение, приобретают релевантные смысловые характеристики.

Ключевые слова и фразы: современная удмуртская поэзия; лингвопоэтика; художественная темпоральность; этнофутуризм; футуральность; семантика; идиостиль; П. Захаров.

Арзамазов Алексей Андреевич, д. филол. н.

Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск
arzami@rambler.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОНТЕКСТЫ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ ПЕТРА ЗАХАРОВА

При рассмотрении лингвопоэтических особенностей, характерных для современной удмуртской поэзии, необходимо учитывать наличие достаточно сложных, малозаметных специфических факторов развития художественных систем, обращаться к конкретному идиостилю как к актуальному источнику релевантной информации, отражающей некоторые латентные языковые трансформации. Один из верных путей исследования – выявление доминантных моделей, в тексте часто представленных и на структурном, и на семантическом уровнях. Поэзия П. Захарова изобилует часто повторяющимися «схемами» выражения авторских переживаний, рефлексий. Его стихотворные произведения представляют значительный интерес для интерпретации, в том числе в аспекте языка. Данная статья продолжает серию работ, посвященных исследованию современной удмуртской литературы [1; 5; 8; 10; 12]. **Актуальность** и **научная новизна** темы обусловлены отсутствием лингвопоэтических практик, в основе которых лежали бы тексты, представляющие удмуртскую литературу, поэзию. Категория художественного времени как важный сегмент поэтического высказывания, идиостиля в рамках удмуртского литературоведения прежде практически не рассматривалась. **Цель** исследования – проанализировать разноуровневую связанность грамматического плана текста и его художественной семантики, проявить взаимообращенность формы и содержания, языковых элементов и индивидуально-авторского мировидения. В статье поставлены следующие **задачи**: зафиксировать структурообразующую значимость будущего времени в системе поэтического идиостиля П. Захарова, определить ключевые грамматические маркеры его художественной выразительности, установить основные мотивно-ситуативные контексты внутрстихотворной актуализации футуральности, определить некоторые «линии движения» удмуртского поэтического языка в начале XXI столетия.

Важнейший сегмент поэтической системы – категория художественного времени. Время является одной из основ человеческого бытия. Человек ощущает, познает себя, других, окружающий мир сквозь призму времени, которое в воспринимающем сознании обрастает большим количеством особенностей, характеристик, определений. Время, как и еще один извечный первоэлемент мироздания – пространство, – ключевая константа культуры, вызывающая постоянный творческий интерес. На сегодняшний день можно говорить о большом теоретико-методологическом разнообразии научных работ, в рамках которых рассматривается феномен художественного времени, описываются варианты поэтической темпоральности прежде всего русской языковой сферы [2; 3; 7; 9; 11]. В контексте аналитических концепций этой направленности были проанализированы тексты удмуртской поэтической традиции, сложившиеся в конкретном национальном идиостиле структурно-семантические темпоральные модели.

Значительное количество «белых пятен» имеется в лингвистическом освещении удмуртского темпорального кода. Следует заметить, что до настоящего момента в языкознании ощущается явный дефицит научных работ, посвященных целостному описанию грамматической системы удмуртского языка. Пожалуй, наиболее слабым звеном в плане интерпретации его грамматики является глагол, отличающийся многообразием форм, чрезвычайно широким диапазоном употребления. В удмуртском языкознании до сих пор нет отдельных монографических исследований, которые бы подробно освещали как конкретные глагольные структуры, так и их полифонические семантические преломления, сопряженные с разнородной содержательной наполненностью текстов.

Категория глагольного времени – одна из актуальных и малоразработанных в удмуртской филологии научных тем. О глагольных временах обычно вспоминают, когда нужно сжато передать основные элементы грамматического устройства языка. Любопытно, что именно литературоведы зачастую обращают внимание на смысловую палитру удмуртских глагольных форм: «Очень разнообразная система спряжения глагольных времен и наклонений, которую делают полной парадигмы отрицательных глаголов. В удмуртском языке есть возможность для выражения оттенков действия, произошедшего в прошлом, для различения предшествования или следования одного действия за другим, более того, говорящий сможет выразить и то, что он убедился в совершении действия. Это особенно характерно для тюркских языков» [4, с. 49].

Рассматривая структурно-грамматические особенности художественной темпоральности в поэзии Петра Захарова, нельзя не обратить внимания на специфическое устройство и тематический репертуар отдельных текстов, в которых используются только индикативные формы будущего времени. Это тот случай, когда основным «когнитивным импульсом» поэтической художественности становятся воображение, мечтание. Автор моделирует те ситуации, в которых, по-видимому, ему бы хотелось оказаться. Глагольная футуральность возникает там и тогда, когда необходимо создать континуум «Я-Ты», воображаемый и реалистичный одновременно, продуманный, прописанный до мелочей. Код будущего времени востребован у П. Захарова в случае поэтического описания знаковых для лирического субъекта / автора «возвращений» – к людям или к местам. Остановимся на некоторых стихотворных примерах, отражающих структурно-семантическое усиление будущего времени.

Стихотворение «Ветлом али, ветлом ай асьмеос ёошен» («Поплывем же, поплывем мы вдвоем») – из серии романтических, любовных, светлых текстов. В центре сюжета – ночная прогулка влюбленных на лодке по реке Чепца. Очевидно, что это места памяти, актуализирующиеся на фоне ярких, не отпускающих воспоминаний: «**Ветлом али, ветлом ай асьмеос ёошен / Пичи гинэ, капчи гинэ пыжсен – / Тулкымъёсты польсалом каллен / Малпасъкытэк пеллясь ыртёл выллем. / Нош вёзамы уй сюресчи – толзё / Тулкым вылын ассэ нуныялоз: / Дунне гурез шоддйсь учыослэсь / Мылкыдъёссэс эшишо но бурдъялоз. / Соку кыштыр ёжутскоз уй катанчи, / Пыжмы купанчаос доры дугдоз – / Мылкыдъёмес жечыратоз Чупчи, / Нош Вукузё... тулкымъёмес лыдъоз...**» [6, с. 112]. / «Поплывем же, поплывем мы вдвоем / На маленькой, легкой лодочке – / Будем грести потихоньку, / Словно беззаботно дующий ветерок. / А рядом с нами ночной попутчик – месяц / На волне сам себя будет убаюкивать: / Чувствующих мелодию мира соловьев / Еще больше воодушевит. / И тогда медленно поднимется занавес ночи, / Наша лодочка у кувшинок остановится – / Наше настроение будет укачивать Чепца, / А Вукузё (Водяной)... наши волны прочтет...» (здесь и далее перевод автора статьи. – А. А.).

Стихотворение нацелено на зрительное сопереживание читателя, при чтении, погружении в эти строки возникает эффект визуального перемещения в художественно создаваемый хронотоп, восприятие обретает зрительную модальность. Композиционный рисунок текста примечателен «движением» строк в первой и последней строках. Вероятно, это не случайное отступление от нормативной текстуальности, по всей вероятности, так передаются течение воды, ход лодки. Три строфы – часто встречающаяся в ранней поэзии П. Захарова комбинация, конденсирующая именно пейзажные мотивы. На три строфы приходится 9 глаголов, стоящих в будущем времени (схема 7 + 2 – два раза употребляется форма *ветлом* «поплывем»). В отличие от многих других текстов П. Захарова, в анализируемом произведении нет «глагольной перегруженности»: поэтически выражаемое получает ровное, адекватное грамматическое освещение. В первой строфе форма *ветлом* «поплывем» реализуется как императивно акцентированная реплика внутренней речи героя: он призывает, просит свою спутницу отправиться с ним в ночное речное путешествие. Впоследствии футуральное значение принимают оттенки обещания: они, подобно беспечно-беззаботному ветерку, будут плыть в известно-неизвестном направлении. Интересно, что в последних двух строках первой строфы имеет место несколько «аритмичное» сравнительное сочетание глагольной лексемы *польсаны* «грести» с образом ветра. Кажется лишним, лишенным лирической легкости, громоздким эпитет *малпасъкытэк пеллясь* «беззаботно дующий», состоящий из отрицательного деепричастия и причастия настоящего времени. В первой строфе футуральность проявляется в первом лице множественного числа, абсолютизируется позиция «Мы». Во второй строфе «Мы» остается только в личном показателе служебного слова, глаголы относятся к реалиям, объектам окружающего мира. Таким образом усиливается повествование обещания – природа, месяц, соловьи вписываются в программу предлагаемого романтического вояжа. Они – тоже действующие лица этой разыгрываемой истории, появляются в кадре совсем не случайно. Вновь эстетически неровными, неоднозначными представляются последние две строфы «Дунне гурез шоддйсь учыослэсь / Мылкыдъёссэс эшишо но бурдъялоз» / «Чувствующих мелодию мира соловьев / Еще больше воодушевит». Эта многословность, избыточность, некоторая прозаичность поэтического высказывания несколько снижает общий романтический пафос произведения. В третьей строфе все глаголы маркированы формой третьего лица единственного числа – «Я» и «Ты» здесь растворены в пейзаже, они превращаются в созерцателей, переживающих красоту ночного явления природы. «Мы» из сферы глагольных предикатов переходит в «суффиксальность» имен. Происходящее кажется таинственным, магическим (не зря дважды явлено многоточие), за любовным

единением героев наблюдает мифический персонаж *Вукузё* (Водяной). Третья строфа с художественной точки зрения на фоне стихотворного целого видится наиболее сбалансированной, отточенной.

Абсолют будущего времени в стихотворении «Ветлом али, ветлом ай асьмеос Чошен» («Поплывем же, поплывем мы вдвоем») становится грамматическим кодом авторского желания, призыва, инструментом любовной риторики. В тексте футуральность утверждается на границах настоящего, неслучайно в первой строчке используется слово *али* «сейчас». От одинокого настоящего до наполненного любовной гармонией совместного будущего, казалось бы, один шаг, один взгляд, одно прикосновение. Однако постулируемая уверенность стихотворной футуральности в рамках рассматриваемого поэтического сюжета оказывается хрупкой – представленное будущее время любви, любовной взаимности эфемерное, воображаемое, оно пока только существует в мире одной любящей индивидуальности. Смысловое назначение будущего времени в стихотворении может истолковываться и в контексте авторского личного прошлого – есть вероятность, что это оживающий экфрасис прожитых реальных событий, переживаний, не потерянных, опозитизированных. Речь может идти и о неосознанной романтико-сентиментальной интертекстуальности, о внутреннем диктате языка, навязывающего поэту определенный темпоральный выбор. Будущее время, при том, что оно в тексте «безальтернативно», вбирает в себя семантико-ситуативные пласты настоящего и прошедшего времен. Лирический субъект регулярно и естественно существует, осмысливает себя сразу в нескольких временных разрезах, хотя на грамматическом уровне подобная темпоральная «мультимедийность» сознания, самоощущения может и не фиксироваться.

Будущее время является единым формальным темпорально-глагольным вариантом в стихотворении «Эше мынам...» («Друг мой...»), посвященном поэту Михаилу Федотову: *«Эше мынам, / Дуно эше, / Душес, / Ойдо льдьмыт инме чош лобзэмы, / Урысьёсын кесям сюлэмъёсмес / Ойдо огпол ке но няськатомы. / Отын – вылын, / Лымы пилемъёсын / Шутэтскомы, капчи назьыльскыса, / Кылбуръёсмы соку чылкыт лымы, / Лымы кадъ васькозы вореkjяса. / Шумпотозы соку чагыр синъёс, / Зырдыт шокчылкыса вералозы, / Лымы пыры кадесь шунят чуръёс / Льдьмыт ымдуръёсын шуналозы. / Бен учкы ай тон, / Учкы ай, эше, / Кыёе капчи тэтчоз соку сюлэм! / Пегасъёсмес öвöл – малтанъёсмес / Чылкыт инме лобзэтоно вылэм...»* [Там же, с. 189]. / «Друг мой, / Дорогой мой друг, / Ястреб, / Давай в лазурное небо с тобой полетим, / Плетьми разодранные наши сердца / Давай хотя бы раз успокоим. / Там – наверху, / В снежных облаках / Отдохнем, легко потягиваясь, / Стихи наши тогда, как белый снег, / Как снег, опустятся, блистая. / Обрадуются тогда голубые глаза, / Горячо дыша, расскажут, / Словно снежинки, теплые строчки / На розовых губах растут. / Да ты посмотри-ка, / Посмотри-ка, друг мой, / Как легко будет биться сердце! / Нет, не пегасов – наши мысли / В чистое небо надо бы отпустить...».

Посвящения П. Захарова обычно обращены к его ближайшим друзьям, наставникам, покинувшим мир в самом расцвете сил (В. Романов, М. Федотов). Тексты подобного рода часто пронизаны болью, продиктованы иррациональным желанием вернуть ушедших или вернуться в те годы, когда ночами читались стихи, велись плодотворные разговоры о великом искусстве поэзии. Текст «Эше мынам...» («Друг мой...») состоит из четырех строф, неравномерных, нестандартных. В строфах неодинаковое количество строк (6 – 5 – 4 – 5), они имеют разную длину, что делает стихотворный текст визуально рельефным, «выпуклым». В стихотворении восемь глагольных форм будущего времени. Кроме этого, достаточно широко представлены причастия и дееспричастия, побудительные формы. В целом грамматический рисунок произведения не кажется совсем простым. Лирический субъект обращается к М. Федотову (само имя поэта-друга не упоминается, образ вводится при помощи орноморфного символа), призывает его к исполнению сакральных ритуалов – путешествию на небеса, отдыху на снежных облаках. Сложная гамма поэтически отображаемых чувств, реакций на этот раз получает многогранное грамматическое выражение. Первая строфа текста начинается серией номинаций – складывается почти кумулятивная цепочка, отсылающая к архаическим механизмам текстопорождения. В четвертой строчке звучит призыв к полету в лазурное небо – только там обретаются неземной покой, вдохновение. Выражающие футуральное значение глаголы *лобзэмы* «полетим», *няськатомы* «успокоим» восходят к стремлению «Я»-субъекта покинуть одинокую реальность настоящего. Из первой же строфы читатель узнает о глубоких внутренних ранах, шрамах на сердце – согласно П. Захарову, именно в измерении боли, страдания вызревает поэтический талант.

Во второй строфе преподносится перспектива «небесного отдыха» – в этом текстовом эпизоде сворачивается глагольная «Мы»-доминанта, дальше в поэтическое действие вступают сторонние лица. В строфе обе глагольные лексемы дополняются дееспричастиями на *-са* (*назьыльскыса* «потягиваясь», *ворекjяса* «блистая»). Расшифровывается цель отправления на небо – там рождаются стихи. Блистая, подобно снегу, они опускаются на землю. Сравнительная конструкция «снег, снежинка – стихи, строки» из второй строфы перетекает в третью, в компаративном фрагменте задействованы глаголы, стоящие в третьем лице множественного числа будущего времени. Представлены мотивы радости, таяния, тепла. Четвертая строфа – зона побудительных обращений и достаточно сложной грамматической конструкции уточнения-желания. Индикативно-футуральная форма в строфе употребляется только один раз – в восклицательном предложении, говорящем о небесно-поэтической эйфории, охватывающей художника сразу после «стихоявления». Очевидно, что поэт нуждается в интенсивном ориентирующем диалоге с «равными», он переживает острое творческое одиночество. Будущее время, обращенное к образу погибшего удмуртского поэта, сигнализирует всё о той же размытости, условности темпоральных границ памяти, художественного мироощущения. Структурно монолитный код времени в семантическом плане оказывается полифоничным. За призывностью, коммуникативной окрашенностью футуральных форм в стихотворении стоит прошлое. При стихотворном доминировании будущего времени следует заметить, что современный удмуртский поэт (речь идет о ярком литературном поколении Петра Захарова) редко смотрит в будущее, в завтрашний день. Он или пишет

на злобу дня, останавливаясь на сюжетах современности, или перемещается в прошедшие годы, в детство, юность, молодость, являющиеся для автора наивысшей экзистенциальной ценностью.

Рассматривая спектры поэтической актуализации будущего времени в творчестве П. Захарова (и других поэтов), приходится констатировать, что будущего как самостоятельного проекта в удмуртском художественном мышлении (пожалуй, за исключением соцреалистической поэзии) практически не существует. Поэтическая семантика грамматических категорий футуральности в их индивидуально-поэтическом преломлении уводит в прошлое или же приоткрывает завесу желаний, стремлений, намерений авторского сознания, *sub sresie* реализации чаще напрасных, неосуществимых. Семантико-тематическая выразительность будущего времени, его слабая – сильная позиция в миротексте поэта, писателя коррелирует с эксклюзивной жизненной установкой, психологией творческой личности, творческой ментальностью. Стоит признать, что вышедшие из плена социализма / соцреализма удмуртские поэты почти перестали художественно интерпретировать тему будущего. Бесспорно, что это важный психологический и социальный сигнал.

Будущее время становится грамматическим центром стихотворения «Мылкыд съоры» («Вслед за настроением»): «*Чукна жardon азын, бурдъёс вылын кадь / Нош ук вуо вордскем Киня гуртам. / Кузьым, дыр, малпало атаелы но, / Чалбар куксэ лушкем думылонъям. / Мар малпанэз, / Потто жалък! вазисьсэ. / Монэн валче сябась кароз анай но. / Бӧрысь ни верьялом анайлэсьсэ. / Озы тӧни... / Юнме шат ар малай мон? / Нош собере бадӟым ведраосын / Юзмыт ошмес вулы шуре васко но – / Уг... ошмес ву уг вайы соосын – / Тодмо бусыостӧм кошко мон. / Погылясько возж турын куар пӧлын. / Намер сиё. Узы но верьяло, дыр. / Кензалиез но кышкато сикын – / Мон со съорын пуны кадь тэтчало, дыр. / Жадем берам но уг ай мон, уг берты. / Кикурпытсам поно зор кыбьез. / Чибориё, / Пичи гинэ шаер кадь / Потоз мыным солэн жутӧськемез... / Нош лобзыны уг уг лэзы мон, уг лэзы... / Мед со улос ай, мед... / Кикурпытсам... / Тауз дунне – мыным со чырс палэз кадь. / Озы ке но муртлэн өвӧл – / Аслам!» [Там же, с. 205]. / «Утром перед рассветом, словно на крыльях, / Снова приеду в родную деревню Киня. / Подарок, наверное, придумаю отцу, / Брючины его незаметно подвязывая. / Что думать, / Достану дзюнь! звенящую. / Вместе со мной поднимет рюмку и мать. / Затем испробуем и мамино. / Вот так... / Не я ли арский мальчик? / А затем с большими ведрами / За холодной ключевой водой к реке спущусь – / Нет... ключевую воду не принесу в них – / По знакомым полям пройду. / Буду валяться среди зеленой травы. / Буду есть костянику. И землянику попробую, наверное. / И ящерицу напугаю в лесу – / Я за ней, как пес, буду прыгать, наверное. / Даже почувствовав усталость, я не вернусь еще. / На ладонь положу божью коровку. / Пеструю, / Как маленькая земля, / Захочет она подняться... / Но улететь нет, не дам я, не дам... / Пусть поживет она пока, пусть... / В моей ладони... / Этот мир – для меня, как кислая рябина. / И все равно он не чужой – / Он свой!».*

В формах будущего времени описывается гипотетическое возвращение лирического субъекта в родной край. Речь идет о футуральности намерения, на этот раз оно реалистичное, реализуемое, лишенное ореола невозможности. Поэтический текст состоит из шести строф, разнородных по своей структуре. Количество глагольных форм будущего времени – 19. Почти все глаголы относятся к первому лицу, указывая на действия героя, остающегося наедине с природой малой родины, родным домом. Регулярно используемый в поэзии «раннего» Захарова кинематографический принцип приходится к месту и в моделировании рассматриваемого стихотворного сюжета: сначала говорится о желании «Я»-субъекта вернуться домой, затем монтируется его встреча с родителями, и наконец, – в центре оказывается ландшафт, полный знакомого многообразия. Именно в третьем эпизоде наблюдается наиболее высокая концентрация глаголов – герою нужно успеть многое сделать, осуществить необходимые ритуалы, без которых общение, свидание с родной землей, природой кажутся неполными, лишенными ощущения посвященности, тайного узнавания. Показательным можно считать тот факт, что многочисленные глаголы на этот раз обходятся без причастно-деепричастных уточнений. Индикативные формы встречаются и в отрицательной позиции, хотя категория отрицания в идиостиле «раннего» Захарова не встречается очень часто. Футуральное употребление глаголов в данном стихотворении символично – импульс желания легко может перейти в статус реального действия. В то же время возвращение на «арские земли» не связано с какими-либо темпоральными условиями, герой / автор мысленно всегда там, поскольку здесь его удмуртский очаг, центр этнической вселенной. Обращает на себя внимание широкий функционально-смысловой диапазон футурально акцентированных глаголов – это и глаголы движения, глаголы ментальной деятельности, положения в пространстве, эмоциональных реакций. Грамматически актуализируемое будущее время vs интерпретируемый текст является временем незыблемости своих истоков, «начала начал».

На фоне грамматической многомерности поэзии П. Захарова естественным можно считать тот факт, что поэт возвращается к определенным языковым моделям, лингвопоэтическим деталям. По всей вероятности, это абсолютно универсальное явление, характерное для любого в отдельности рассматриваемого идиостиля. Писатель, на протяжении многих лет выражающий себя в слове, в языке, так или иначе опирается на некоторые структуры. Осознанно или неосознанно – другой вопрос. Творческое (поэтическое) сознание выбирает механизмы, модели выражения, которые становятся своеобразными рефренами, превращаются в текстуальные доминанты. Следует подчеркнуть, что грамматические универсалии в поэзии регулярно подвергаются символическому индивидуально-авторскому «выделению», оказываются в сфере художественных интересов поэта. Очевидно, что ситуация выбора будущего времени – одна из таких выделяемых поэтическим сознанием языковых реалий.

В целом рассмотренные грамматические и частично лексические формы выражения темпоральности будущего в творчестве Петра Захарова позволяют говорить о происходящих в поэзии лингвосемантических трансформациях, расширении креативно-функциональных возможностей отдельных языковых страт, художественно-

авторской индивидуализации регулярных грамматических маркеров. Констатируется постепенное повышение внимания авторского «Я» к языку как основному инструменту письма, нередко выступающему и как самостоятельный субъект поэтического творчества.

Список источников

1. **Арзамазов А. А.** Феномен визуального в современной удмуртской поэзии (опыт анализа творчества П. М. Захарова). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН; Изд-во «Удмуртский университет», 2010. 232 с.
2. **Ахапкина Я. Э.** Семантика времени в поэтическом тексте (на материале лирики Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама акмеистического периода творчества). СПб.: Свое издательство, 2010. 234 с.
3. **Гин Я. И.** Проблемы поэтики грамматических категорий. СПб.: Академический проект, 1996. 224 с.
4. **Домокош П.** История удмуртской литературы. Ижевск: Удмуртия, 1993. 448 с.
5. **Завьялов С. А.** Сквозь мох беззвучия: поэзия восточнофинского этнофутуризма // Новое литературное обозрение. 2007. № 85. С. 339-353.
6. **Захаров П. М.** Вож выж: кылбурьёс, поэмаос, берыктэмьёс (Зеленый мост: стихи, поэмы, переводы). Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2001. 272 с.
7. **Николина Н. А.** Время в поэзии Тютчева // Русский язык в школе. 1998. № 6. С. 51-60.
8. **Серова М. В., Кадочникова И. С.** Проблема культурно-исторической идентичности в литературе Удмуртии. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2014. 182 с.
9. **Тураева З. Я.** Категория времени. Время грамматическое и время художественное: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1979. 219 с.
10. **Федорова Л. П.** Художественно-эстетические поиски удмуртской женской поэзии начала XXI века // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 301-306.
11. **Чернейко Л. О.** Способы представления пространства и времени в художественном тексте // Филологические науки. 1994. № 2. С. 58-70.
12. **Шибанов В. Л.** Этнофутуризм как современная тенденция в развитии национальных культур Урало-Поволжского региона // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 163-171.

ARTISTIC CONTEXTS OF THE FUTURE TENSE IN PYOTR ZAKHAROV'S POETRY

Arzamazov Aleksei Andreevich, Doctor in Philology

*The Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk
arzami@rambler.ru*

The article examines artistic contexts of the future tense in the poetry by Pyotr Zakharov, one of the most vivid representatives of the modern Udmurt literature. The paper ascertains the basic motive and situational models of poetical actualization of the future tense forms, analyses the factor of figurative and symbolic relevance of their usage, and identifies the dominant structural combinations of lyrical expression of this type of artistic temporality. The author points out that verbal forms in P. Zakharov's poetical system have a structure-formative meaning, acquire relevant semantic characteristics.

Key words and phrases: modern Udmurt poetry; linguo-poetics; artistic temporality; ethno-futurism; futurity; semantics; individual style; P. Zakharov.

УДК 82-192

Дата поступления рукописи: 28.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.10>

Статья посвящена анализу творчества татарского поэта Мариса Назирова (1949-2013), который, проживая в Башкортостане, внес важный вклад в татарский литературный процесс последней четверти XX – начала XXI в. В работе впервые рассматривается вызвавшее особый интерес у автора статьи песенное творчество исследуемого поэта. Актуальность и новизна исследования объясняются малоизученностью всего литературного наследия регионального поэта, в том числе написанных им песенных текстов. Подчеркивается, что одной из ключевых особенностей его творчества является музыкальность, мелодичность поэтического слога; уделяется внимание анализу тематики, композиционного разнообразия построения песенных текстов, осмыслению языковых средств выражения.

Ключевые слова и фразы: татарская литература; поэзия; М. Назиров; песенное творчество; тематический диапазон; художественное своеобразие.

Латыпова Алсу Вакиловна

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
alsu.latyпова@list.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПОЭЗИИ МАРИСА НАЗИРОВА

Исторически сложилось так, что большая часть татарского народа проживает в Татарстане, но есть также отдельные регионы РФ, где компактно проживает татарское население. Республика Башкортостан является